

DOI: 10.15393/j10.art.2020.5101

УДК 821.161.1+070+930.25

В. А. Викторovich*Государственный социально-гуманитарный университет**(Коломна, Российская Федерация)*

VA_Viktorovich@mail.ru

«Пушкинская речь» Достоевского в свидетельствах современников*

Аннотация. В статье предпринят критический анализ источников, сообщающих подробности произнесения «Пушкинской речи» Достоевского 8 июня 1880 г. Это письма, дневники и мемуары слушателей, телеграммы и отчеты в газетах и журналах того времени. Перекрестная проверка имеющихся и вновь найденных источников позволила выявить целый ряд домыслов, сочиненных, как правило, из идейных соображений. В центре внимания — мемуары Е. П. Летковой-Султановой и Д. Н. Любимова, изображавшие событие с идеологически противоположных точек зрения. Так, Леткова решительно отрицает момент единодушия аудитории Достоевского, зафиксированного другими мемуаристами, и настаивает на изначальном отторжении радикальной молодежи от его речи. Ее воспоминания обычно вызывают доверие исследователей, поскольку автор приводит в подтверждение своей позиции отрывки из личного дневника, касающиеся двух дней Пушкинского праздника (7 и 8 июня) и утверждающие приоритет Тургенева. Мемуары Летковой были опубликованы в 1932 г. Однако в Российском государственном архиве литературы и искусства в фонде Н. С. Ашукина сохранился другой, более ранний и еще не публиковавшийся текст. Это пять рукописных страниц статьи «Июньские дни 1880 г. в Москве. (Из дневника Ек. Летковой)». Сопоставление ранней (1924) и поздней (1932) редакций «дневника» Летковой приводит к выводу, что сам «дневник» был позднейшей мистификацией, которая должна была утвердить правоту прогрессивных сил в их оппозиции Достоевскому (этот мотив был значительно форсирован в редакции 1932 г.). Так же были устроены и мемуары Д. Н. Любимова, с той разницей, что они освещали событие с консервативной точки зрения. Воспоминания Любимова востребованы исследователями, поскольку он подробно описал аудиторию Достоевского. Это описание должно было подвести к мысли о консолидации лучших представителей русского общества. Однако критический анализ этого источника показал, что больше половины названных им слушателей Достоевского не могли присутствовать на заседании. Мемуарист также исказил картину восприятия речи Достоевского Тургеневым (он якобы «зарыдал», когда оратор поставил Лизу Калитину рядом с Татьяной Лариной). В результате исследования был уточнен целый ряд моментов восприятия «Пушкинской речи» Достоевского как ключевого события русской культуры, что позволяет приблизиться к его осмыслению на фундаменте верифицированных свидетельств современников.

Ключевые слова: Достоевский, Пушкинская речь, критика источников, проблема достоверности

Об авторе: Викторovich Владимир Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Государственный социально-гуманитарный университет (ул. Зеленая, 30, г. Коломна, Российская Федерация, 140410)

Дата поступления: 02.09.2020

Дата публикации: 07.12.2020

Для цитирования: Викторovich В. А. «Пушкинская речь» Достоевского в свидетельствах современников // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 4. — С. 48–69. DOI: 10.15393/j10.art.2020.5101

1

Пушкинская речь Достоевского, произнесенная 8 июня 1880 г. в зале московского Благородного собрания, стала эпохальным событием русской культуры. Ее «тайну», т. е. смысл и значение, вот уже 140 лет «разгадывают» журналисты, критики, писатели, философы, исследователи, любознательные читатели. Известен текст, впервые напечатанный в газете «Московские ведомости» 13 июня 1880 г. под заглавием «Пушкин (Очерк)», однако не всегда текст до конца понятен без контекста, а в данном случае именно последний во многом предопределил эффект беспрецедентного воздействия на слушателей самого *произнесения* речи. Контекст «Пушкинской речи» рассматривался в ряде исследований (см. главные из них: [Волгин, Левитт]), но до сей поры источники наших сведений об историческом заседании Общества любителей российской словесности (ОЛРС), на котором речь прозвучала, не подвергались серьезной критике.

Источники эти можно разбить на три группы: 1) эгодокументы (письма, дневники), составленные по горячим следам события; 2) описания праздника в средствах массовой информации; 3) мемуары слушателей Достоевского.

Первая группа состоит из пяти источников, наиболее достоверных по части фактологии (с небольшими неточностями)¹. Это прежде всего письмо Ф. М. Достоевского жене, датированное им «8 июня / 80 8 часов пополудни»² (через 5 часов после прочтения речи); письмо Ф. Д. Самарина к сестре, написанное на следующий день, 9 июня (*Самарин*); письмо И. С. Аксакова от 14 июня, адресованное предположительно Е. Ф. Тютчевой (*Аксаков*). Фактологической точностью, требуемой самим «жанром», отмечены служебные отчеты агента III Отделения 8–9 и 10 июня 1880 г. (*Агент*). Небольшие погрешности в изложении допускает М. А. Веневитинов в дневниково-мемуарной рукописи «Пушкинские торжества в Москве» в четырех тетрадах (ОР РГБ. Ф. 48.16.3; см. в сокращении: *Веневитинов*), очевидно, в силу того, что он записывал свои впечатления некоторое время спустя (его собственная датировка: «7 июня — 7 июля 1880»), а на самое заседание 8 июня немного опоздал. Судя по всему, Веневитинов также использовал газетные отчеты о событии.

Вторая группа источников представлена прежде всего двумя телеграммами, растиражированными в газетах: Международного телеграфного агентства³ и специального корреспондента газеты «Голос» (9 июня)⁴, — а также собственными корреспонденциями газет «Новое время», «Современные известия», «Русская газета», «Русский курьер», «Русские ведомости», «Новости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Молва», «Газета А. Гатцука», «Всеобщая газета», «Страна», «Берег», еженедельников «Живописное обозрение», «Неделя», «Будильник», журналов «Отечественные записки» (Г. И. Успенский), «Древняя и новая Россия», «Семейные вечера»

(Н. Н. Страхов), «Исторический вестник». Другие журналы разразились по большей части аналитическими статьями. Первой указанные источники начала собирать А. Г. Достоевская (см.: [Фокин, Петрова]), к настоящему моменту это собрание значительно дополнено.

Сопоставляя сообщения журналистов и эгодокументы, можно, в частности, уточнить свидетельство Достоевского: «Утром сегодня было чтение моей речи...» (*ДЗ0*; т. 30₁: 184). Начало заседания, как указано в приглашенных билетах, было назначено на 13 часов, и потому это время фигурирует в исследовательской литературе [*Летопись*: 431]. Однако в телеграмме корреспондента «Голоса» (опубликована на следующий день, 9 июня) читаем: «Сегодня, в 2 часа пополудни, состоялось, при громадном стечении публики, второе заседание Общества любителей российской словесности». На это же время указывают имеющиеся эгодокументы (*Самарин*: 251; *Веневитинов*: 504; *Агент*: 278). Уточнение вносит корреспондент «Русской газеты» (1880. 10 июня): «8 июня в половине второго часа пополудни при многочисленной публике открыто было заседание Общества любителей российской словесности; сперва звонок возвестил начало заседания, и публика заняла места; затем возвещена была программа или порядок чтений». Очевидно, после звонка около получаса ушло на размещение публики и на объявления, и примерно в 14 часов (или чуть раньше) начал свою речь Н. А. Чаев, после которого читал Достоевский. Речь Чаева, напечатанная затем в июньском номере «Русской мысли», судя по объему, могла занять около 25 минут. Очевидец свидетельствует: «Вступительная речь вице-председателя, Чаева, длилась вместо четверти — полчаса» (*Аксаков*: 96). Таким образом, Достоевский начал читать свою речь в 14.30 или чуть раньше. Дотошный хроникер «Современных известий» (1880. 10 июня) сообщал, что эта речь длилась «около $\frac{3}{4}$ часа», прерываясь «многими аплодисментами». В телеграмме Международного телеграфного агентства указывалось: «Речь г. Достоевского длилась около часу» (*Голос*. 1880. 9 июня). О реакции публики Достоевский сообщал жене: «Вызовы продолжались полчаса...» (*ДЗ0*; т. 30₁: 184). Между тем скрупулезный агент III Отделения докладывал, что перерыв, объявленный после речи Достоевского, начался «в 3 часа 15 минут пополудни» (*Агент*: 280). Таким образом, в промежуток от 14.30 (или чуть раньше) до 15.15 вместились и речь Достоевского, и прерывавшие ее аплодисменты (исправно зафиксированные агентом III Отделения), а буря «восторга», о котором написал жене Достоевский, могла занять часть времени после объявления перерыва. Об охватившем всех необыкновенном волнении сохранилось достаточно много свидетельств. «...По окончании все встали, дамы и девицы замахали платками и захлопали, мужчины совсем вышли из себя: застучали ногами, закричали “браво”, замахали шляпами, — словом, произошло что-то небывалое» (*Самарин*: 252) (махание платками и шляпами отмечают многие, повторялась картина открытия монумента на Страстной площади); «...впечатление было поистине

потрясающее. Я никогда ничего подобного не видел. Оно охватило всех, как публику, так и нас, сидевших на эстраде...» (*Аксаков*: 96); «Может быть, никогда еще стены залы Благородного собрания не были потрясемы таким громом рукоплесканий, какой раздался вслед за заключительными словами г. Достоевского» (*Голос*. 1880. 9 июня; эта фраза потом повторялась многими другими газетами); «Женщины махали платками, многие из них встали для этого на стулья, были и такие, что впали в истерическое состояние; в воздух летели шапокляки и цилиндры, тысячи рук протягивались по направлению к оратору...» (*Новости*. 1880. 13 июня). Несколько ироничный повествователь назвал увиденное «идолопоклонением» (*Успенский*: 401).

Наконец, третья группа источников — мемуары, которые оставили слушатели речи В. О. Михневич, М. М. Ковалевский, Н. Н. Страхов, И. Ф. Василевский, А. Ф. Кони, А. М. Сливицкий, С. И. Уманец, К. А. Тимирязев, А. В. Амфитеатров, Д. А. Олсуфьев, Д. Н. Любимов, С. С. Бобчев, Е. П. Леткова-Султанова. Особенность этой группы источников — гораздо бо́льшая сравнительно с предыдущими «партийная» (консервативная / либеральная) ангажированность авторов, соединяющаяся с действием непреложных законов человеческой памяти, ослабевающей со временем и подключающей, в порядке компенсации, механизмы фантазии. В итоге рисуется образ Достоевского-оратора в жанре либо однозначной апологии (*Амфитеатров, Любимов, Бобчев*), либо столь же однозначного обличения (*Ковалевский, Тимирязев*), либо контрадикции, колебания в ту и другую сторону, но всегда с безусловным признанием потрясающего воздействия речи на всех слушателей (*Михневич, Уманец, Олсуфьев*) или «почти» на всех (*Кони*). Эта константа, которую не отрицают и «обличительные» мемуары, имеет одно исключение — воспоминания Е. П. Летковой-Султановой.

2

Екатерина Павловна Леткова, по мужу Султанова (1856–1937) — писательница, переводчица, общественная деятельница, во время описываемых событий была слушательницей Московских высших женских курсов В. И. Герье. Она придерживалась либеральных взглядов, и потому ее кумиром был Тургенев, сближалась она и с кружком «Отечественных записок» (Г. Успенский, Н. Михайловский). Вместе с тем ее притягивал к себе «страдалец» Достоевский, с которым у нее установились довольно теплые отношения еще до Пушкинского праздника. Написанные Летковой воспоминания были призваны передать настроения молодежи, составлявшей значительную часть слушателей Достоевского. Участие молодежи, прежде всего студенческой, в заседании 8 июня зафиксировано было до нее рядом свидетелей.

«Зала была переполнена. Особенно много собралось, несмотря на вакационное время, молодежи. Она заняла хоры и все переходы. В креслах теснились как могли, так что на двух стульях сидело трое лиц» (*Василевский*).

Реакцию молодых слушателей на речь Достоевского особо выделил И. С. Аксаков: «До сих пор Тургенев был идолом молодежи <...>. Достоевский же пошел прямо наперекор, <...> преподавал молодежи целое поучение: “смирись, гордый человек, перестань быть скитальцем в чужой земле, пощи правду в себе, не какую-либо внешнюю” и т. д. <...> Важно именно то, как отнеслись к этому молодые же люди, которых, может быть, до тысячи было в зале. Всё пришло в такой экстаз, что один юноша, ринувшись к Достоевскому на эстраду, упал в нервный обморок. Тут были “курсистки” курса Герье (крайнего западника), еще в прошлом году делавшие орации Тургеневу. Бог знает где, тут же в собрании, добыли они лавровый венок и поднесли его, при общих кликах, Достоевскому, за что им, вероятно, достанется...» (Аксаков: 96–97).

Иначе, нежели Аксаков, объяснял «экстаз» молодых слушателей (подтверждая его) Г. И. Успенский в статье «Праздник Пушкина» (Отечественные записки. 1880. № 6): «...замечание <...> насчет какого-то *смирения* <...> прошло также мимо ушей», зато «всеобщее внимание было поражено и поглощено стройно выраженной мыслью о врожденной русскому человеку скорби о чужом горе» (Успенский: 401). Этой мыслью, что очевидно, был тогда увлечен и сам Успенский. Прочитав затем текст речи в «Московских ведомостях», публицист «Отечественных записок» испытал глубокое разочарование: теперь на первый план в его отчете (глава «На другой день») выходят «не замеченные» им во время слушания речи моменты, чуждые его убеждениям. Сходный сюжет разрабатывался и в ряде других свидетельств. Болезненно переживавший этот перепад отношения общества к речи Достоевского его молодой слушатель, ставший свидетелем единения «и седовласых старцев, и румяной молодежи», горячо укорял тех оппонентов писателя, кто **не слышал** его: «...Эти же самые люди, а их вскоре оказалось очень много, которые *потом* в печати и разговорах разбирали и порицали речь Достоевского, если бы они присутствовали в тот час, когда произносил ее сам Достоевский, то и они были бы охвачены тем внутренним огнем, который исходил от оратора, и они поддались бы общему чувству, увлекшему всех его слушателей» (Олсуфьев). Впрочем, некоторым из слушателей, пораженным, как и Успенский, разницей между услышанным и затем прочитанным текстом, стало казаться постфактум, что «фальшь» они «смутно замечали в момент произнесения речи» (Пятковский: 28).

Еще более критическую (и не «смутную», а вполне отчетливую) реакцию молодых слушателей на речь Достоевского зафиксировала Е. П. Леткова. Ее воспоминания вызывают доверие исследователей еще и потому, что автор в подтверждение своего весьма ответственного заявления, решительно дезавуирующего момент единодушия аудитории Достоевского, приводит отрывки из личного **дневника** («из моей записной книжки 1880 года»), касающиеся двух дней Пушкинского праздника, 7 и 8 июня, и утверждающие несомненный приоритет Тургенева.

Мемуары Летковой, включавшие в себя «дневниковые» записи, были опубликованы в 1932 г. Однако существует другой, более ранний и еще не публиковавшийся текст. Это пять рукописных страниц статьи «Июньские дни 1880 г. в Москве. (Из дневника Ек. Летковой)»⁵. Документ сохранился в Российском государственном архиве литературы и искусства в фонде Н. С. Ашукина среди материалов для готовившейся им в 1924 г. однодневной газеты «Пушкин». Газета должна была выйти к 125-летию со дня рождения поэта как издание тогдашнего Всероссийского союза писателей, но так и не вышла. Рукопись эта до сих пор не привлекала внимание исследователей, вероятно, по причине заглавия, повторенного затем в мемуарах Летковой, опубликованных в 1932 г. в «Звеньях» (Леткова: 466). Однако два этих текста имеют серьезные различия, существенные для понимания генезиса самого «дневника». Приведем неизвестный ранний его вариант (в авторской орфографии и пунктуации; в квадратных скобках — вычеркнутое автором).

«Июньские дни 1880 г. в Москве.

(Из дневника Ек. [П.] Летковой[-Султановой])

1880 г.

7 июня. Какой день был вчера? Говорят, был утром дождь? Не заметила! Кажется, весь день светило солнце, а когда упал покров с памятника, оно так и рассыпалось на нас... Вся площадь была унижена плотно-плотно людьми... Мы [со]збрались рано. У нас были прекрасные места: налево от памятника, у церкви; над забором. Всё видели отлично. Пока шла обедня в Страстном, на площади у памятника, под колыхавшиеся на нем парусиною, шло невиданное еще торжество. Знамена депутатов, значки цехов и на первом месте "литература". Какая радость для нас (курсисток) [была] видеть перед собою живыми таких близких, таких знакомых нам авторов. Что за прелесть эти длинные седые бороды, длинные волосы, оживленные лица, бодрые жесты. Они собрались все вместе налево у памятника: И. С. Аксаков, С. А. Юрьев, А. Н. Плещеев, А. А. Потехин, А. Н. Островский, Д. В. Григорович, П. И. Вейнберг, Н. Н. Страхов, С. В. Максимов¹⁾ и, наконец, И. С. Тургенев!!.. <п. 1> Вчера был их праздник: праздник русской мысли, русского слова, русского писателя!.. Все чувствовали это. Слились все возрасты, стерлись сословия... У всех одинаково блестели глаза, и у старых, и у молодых, все чувствовали какое то счастье...

...Когда спала завеса, скрывавшая памятник, у меня дух захватило; я уверена, у всех также... И, конечно, не от красоты его, а потому что тот, кем жила в ту минуту многотысячная толпа, появился над ней, среди нее. Кругом кричали, смеялись, плакали...

---

¹⁾ Н. Н. Страхов, С. В. Максимов вписано под строкой.

...Тургеневу, когда он садился в коляску на площади, сделали настоящую овацию²⁾, точно вс[е]я эта толпа безмолвно сговорилась и нарекла его наследником Пушкина. И в университете, куда мы сейчас-же отправились на торжественное заседание О<бщест>ва Любителей Российской Словесности⁷⁾, — Иван Сергеевич был центром внимания. Избрание его в почетные члены было встречено такими радостными кликами, что у меня от волнения чуть сердце не разорвалось...

...Речь нашего Ключевского⁸⁾ — лучше всех. Какое громадное значение придает он Пушкину, как историку! И именно <л. 2> в художественных произведениях его! — “Капитанская дочка”!.. «История Пугачевского бунта» — только историческое примечание к ней”... “XVIII век в России!.. Русский чувствует себя рожденным не европейцем и обязанным сделаться европейцем...”⁹⁾ —

...Вечером — Благородное Собрание¹⁰⁾. До рассвета! И опять Пушкин сливается с Тургеневым! Мы забрались за колонны, к эстраде, чтобы видеть поближе участников. Прошел, странно с^еживишись, Достоевский (днем я его не видела!?)¹¹⁾; степенно проплыл Островский; прошел Писемский, переваливаясь с ноги на ногу; пролетел Григорович с длинными седыми “баками”, и все скрылись за эстрадой, в круглой комнате...

...Николай Рубинштейн продирижировал оркестром (увертюра [к] «Руслан[у]а»). Самарин — Скупой рыцарь (восхитительно!), и опять — “они”! Такие старенькие и такие бодрые, живые, трепетные!.. Достоевский как-то по особенному прочел монолог Пимена. Писемский бодро — “Гусара”; Островский — отрывок из “Русалки”, Григорович — “Кирджали” (немного долго), Потехин — “Полтаву”, Тургенев — “Опять на родине”¹²⁾. Читал <л. 3> тихо, но было что-то завораживающее³⁾ в его чтении, — не смотря на старческую шепелявость и слишком высокий голос... Выходил на вызовы семь раз и наконец согласился прочесть еще... “Последняя туча разсеянной бури”... И остановился! “Одна ты несешься по ясной лазури...” подхватила вся зала. Тургенев улыбнулся, овладел собою и дочитал благополучно...

Когда мы, двенадцать человек, шли домой — уже светало. И не устали!.. Жалели только, что такой день прошел!.. Какое было счастье — весь день!.. И идя по московским переулочкам[и], повторяли: “Довольно! Сокройся! Пора миновалась, земля освежилась и буря промчалась!..”

8го Юня. Вчера день был мучительно-хороший. Не знаю с чего и начать!.. Речь Достоевского!!.. Маша Шелехова упала в обморок. С Паприцем сделалась истерика. А я слушала и злилась. Ирония, с какую Д<остоевский> говорил об Алеко — мучила. “Мечта о всемирном счастье!.. Дешевле не возьмет русский скиталец!..” И прекрасно! Что же тут вышучивать?.. Апофеоз Татьяны тоже не нашел отклика в душе... Апофеоз рабства и покорности? И среди

²⁾ Было: овацию настоящую

³⁾ завораживающее вписано над строкой.

совершенно неслыханных рукоплесканий после речи — мне почему то было тяжело[?]... Не поняла я вероятно...

Вечером — опять нескончаемые овации Тургеневу... [Нет сом<нения>] <л. 4>

С тех пор прошло 44 года! И сейчас я повторяю: пережить те дни — было счастьем! Сколько упований, сколько веры в победу. Пробуждавшаяся общественная мысль при Пушкине нашла бурный отклик в пробужденной мысли. И молодежь черпала из Пушкина то, что хотелось ей. [Мы [со] уже перешли через отрицание] Жажда свободы и независимости находила [в] утоление в [его] нем. “Свобода! Он одной тебя еще искал в подлунном мире!”... “Для власти, для ливреи не гнуть ни совести, ни помыслов ни шеи!..” Мы не считались ни⁴⁾ с его “эстетизмом”, [не увлекались еще красотой его стиха, непревзойденной и до сих пор:] ни с “аристократизмом”⁵⁾. Нам было дорого, что он воспевал “вольность миру”, хотел “на троне поразить порок” и вдохновенными словами провозгласил: [“Взойде]

...Товарищ! Верь: взойдет она
Заря¹³ пленительного счастья!
Россия вспрянет ото сна!
И на обломках самовластья
Напишет¹⁴ наши имена!

И мы верили этому! И любили его [необыкновенно особенной любовью] главным образом⁶⁾ за то, что [он] в свой жестокий век возславил он свободу и милость к падшим призывал!

Ек. Леткова <л. 5>».

Отметим основные отличия публикуемого текста 1924 г. от «дневника», включенного в известные мемуары Летковой 1932 г., в той части, что касается речи Достоевского.

Текст 1924 г.:

«Речь Достоевского!!.. Маша Шелехова упала в обморок. С Паприцем сделалась истерика. А я слушала и злилась. Ирония, с какою Д<остоевский> говорил об Алеко — мучила. “Мечта о всемирном счастье!.. Дешевле не возьмет русский скиталец!..” И прекрасно! Что же тут вышучивать?.. Апофеоз Татьяны тоже не нашел отклика в душе... Апофеоз рабства и покорности?

⁴⁾ ни вписано над строкой.

⁵⁾ ни с “аристократизмом” вписано над зачеркнутой строкой.

⁶⁾ главным образом вписано над зачеркнутой строкой.

И среди совершенно неслыханных рукоплесканий после речи — мне почему то было тяжело[?]... Не поняла я вероятно...».

Текст 1932 г.:

«Речь Достоевского... Маша Шелехова упала в обморок. С Паприцем делалась истерика. А я слушала и злилась. Ирония, с какой Достоевский говорил об Алеко, мучила. “Мечта о всемирном счастье. Дешевле не возьмет русский скиталец!..”

Что это? Не хотелось верить своим ушам, не хотелось понимать так, как это понимал Достоевский. И не я одна, а очень многие так же реагировали на его слова, как и я. И как-то без уговора перенесли все симпатии на Тургенева. Стоило Достоевскому упомянуть имя Лизы Калитиной (из “Дворянского гнезда”), как о родственном Пушкинской Татьяне “типе положительной женской красоты”, — чтобы его речь была прервана шумной овацией Тургеневу. Весь зал встал и загремел рукоплесканиями. Тургенев не хотел принимать этих оваций на себя, и его насильно вывели на край эстрады. Он был бледен и сконфуженно кланялся. Конечно, Лиза не наш идеал, как не идеал и Татьяна с ее “рабским”: “я другому отдана и буду век ему верна...”. Мы преклоняемся перед Еленой с ее жаждой деятельного добра, с ее смелостью и самоотверженной любовью. Она является в русской литературе первой политической деятельницей, которых в России так много, как ни в одной стране, а упоминание о Лизе было для нас просто поводом к выражению Тургеневу нашей солидарности с ним, а не с Достоевским, речь которого была насыщена выпадами против западников, а, значит, и против Тургенева. Овации ему вырвались, может быть, и бессознательно, но после заседания уже совершенно осознанно явилась потребность выразить Ивану Сергеевичу, на чьей стороне мы видим правду. Было решено подать венок Тургеневу» (*Леткова*: 468–469).

Во втором варианте текст «дневника» оказался существенно дополнен подробностями, усиливающими несогласие автора со товарищи с речью Достоевского: на место уклончивого «не поняла я вероятно...» пришло описание решительного протеста, заявленного молодежью еще во время слушания речи. Очевидно, мы должны восхититься независимостью молодых умов, мгновенно раскусивших Достоевского, в отличие от рассиропившихся Тургенева, Анненкова, Успенского, не говоря уже об остальной аудитории, всецело отдавшей оратору («...у него во власти были все сердца, вся душа всякого, без разделения, присутствовавшего в собрании» — *Успенский*: 398). Возникает вопрос: может ли **дневник** существовать в столь различных версиях? Ведь это же документ! Единственный ответ: перед нами не дневник, а его имитация, сочиненная автором «задним числом», причем дважды. Каждая из версий отражает время сочинения: мягкий вариант 1924 г. и жесткий — 1932. Время ужесточалось по отношению к Достоевскому (и не

только к нему), соответственно и автор «дневника» занимал идеологически все более «правильную» позицию согласно новым установкам. Обращение же к жанру дневника должно было прибавить убедительности: документ создавал эффект подлинности (на что и купились те, кто его цитировал с полным доверием). «Дневник», особенно во втором его варианте, должен был подкрепить утверждение мемуаристки: «Но была и другая часть, вероятно, меньшая, та левая молодежь, которая сразу встала на дыбы от почти первых же слов Достоевского» (*Леткова*: 469).

Стоит отметить одно совпадение. 10 апреля 1932 г. на экраны страны вышел фильм «Мертвый дом», начинавшийся эпизодом «Пушкинской речи» Достоевского. Там молодая девушка возмущенно пеняет оратору: «И вам не стыдно так говорить? В нашей стране говорить о смирении?.. Надо говорить о бунте!» Пламенная реакция молодежи была сочинена авторами фильма (сценарий В. Шкловского). Подтверждающие ее мемуары Летковой вошли в сборник «Звенья» того же 1932 г., но, как сказано в предисловии к нему: «Весь материал <...> сдан редакцией в марте 1931 г.». Было ли данное сближение контактным или типологическим, нам не известно. В любом случае очевиден так называемый соцказ.

Еще одно место дополненного «дневника» вызывает наше сомнение при сопоставлении с другими свидетельствами. Я имею в виду «инцидент Тургенева» после упоминания Лизы Калитиной в речи Достоевского: «... его насильно вывели на край эстрады. Он был бледен и сконфуженно кланялся». **Ни один из множества свидетелей** не подтверждает этого рельефного факта. В других заслуживающих доверия показаниях эпизод выглядит куда скромнее: «При этих словах раздаются дружные рукоплескания. Тургенев поднимается со своего места и кланяется публике» (*Агент*: 279); слова Достоевского «вызвали целую бурю рукоплесканий и в честь оратора и в честь сидевшего под кафедрой Тургенева, который видимо был польщен и глубоко тронут...» (*Веневитинов*: 505); «При имени Тургенева зала, как всегда, захохотала от рукоплесканий <...>, и он [Достоевский] должен был остановиться, чтоб переждать, пока утихнет вновь и вновь подымавшийся шум» (*Страхов*: 311); «при этих словах раздается взрыв рукоплесканий по адресу И. С. Тургенева, который сидит в двух шагах от оратора» (Санкт-Петербургские ведомости. 1880. 14 июня). Гром рукоплесканий (без поклонов с выходом Тургенева) отметили также Международное телеграфное агентство, «Русская газета», «Новое время», «Русский курьер», «Journal de St.-Petersbourg». Кстати, данный эпизод имеет и другое украшение, тоже дамское, но, кажется, из разряда возможных: «Всем памятно то движение руки, поцелуй, посланный Тургеневым Достоевскому в минуту, когда он в своей речи говорил о Лизе из “Дворянского гнезда”. Все знали о их неприязненных отношениях, и это была одна из лучших минут этого удивительного праздника» (*Нелидова*: 236).

Как представляется, приведенных показаний достаточно, чтобы усомниться в «дневниковой» записи Летковой. Да и дневник ли это на самом деле? Скорее, его мистификация.

Сопровождающие «дневник» мемуары Летковой также содержат фантастические элементы. Остановимся на одном из них, наиболее очевидном. Речь идет о самом памятнике Пушкину. «Помню наше возмущение по поводу того, что на одной из сторон цоколя оказалась переделанной строка Пушкина: вместо: “И долго буду тем любезен я народу” высечено: “И долго буду тем народу я любезен”... Причина та, что слово “народу” неизбежно бы притягивало сакраментальное слово “свободу”...» (Леткова: 466). Действительно, на постамент тогда попали первые две строки из отредактированного Жуковским стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», опубликованного в таком виде в посмертном издании произведений поэта 1841 г. и в последующих изданиях. Вместо:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...

(далее у Пушкина: «Что в мой жестокий век восславил я свободу / И милость к падшим призывал») — было исправлено:

И долго буду тем народу я любезен,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,

(далее у Жуковского: «Что прелестью живой стихов я был полезен / И милость к падшим призывал»).

Всё бы правильно и верно, но подлинный текст в 1880 г. при установке памятника **еще не был известен**, он был опубликован П. И. Бартеневым в 1881 г. в журнале «Русский архив» (кн. 1). Таким образом, рассказ мемуаристки о «возмущении» молодежи искажением пушкинского текста (а остальные, тот же Достоевский, и не думали возмущаться!?) — очевидный анахронизм, отражающий «возмущения» уже советского времени, приведшие к тому, что в 1937 г. на пьедестал памятника были возвращены пушкинские строки (причем всё четверостишие). Перед нами еще одно «забегание вперед», которым грешат воспоминания Летковой. Их авторитетность должна быть серьезно скорректирована.

3

Дмитрий Николаевич Любимов (1864–1942) — государственный деятель, сын редактора журнала «Русский вестник» Н. А. Любимова. Воспоминания он писал полвека спустя в эмиграции, отчасти этим обстоятельством можно объяснить серьезные ошибки памяти, но только отчасти. Воспоминания эти известны в трех вариантах (Любимов, 1931, 1937, 1961). Второй вариант является простым сокращением первого, а вот третий, подготовленный

к печати сыном мемуариста Львом Любимовым, представляет позднюю авторскую редакцию, значительно расширенную: мемуарист добавил изложение речи Достоевского (явно используя печатный ее текст) и кое-какие красочные подробности, о которых речь впереди.

Воспоминания Любимова привлекают исследователей прежде всего тем, что в них дано наиболее подробное описание аудитории, внимавшей Достоевскому. Однако уже первый републикатор мемуаров А. Долинин в комментариях к сборнику «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников» заметил, что в число слушателей речи Достоевского Любимов включил И. А. Гончарова и П. И. Чайковского, отсутствовавших на празднике [Долинин]. Во втором издании этого сборника новый комментатор К. Тюнькин в список вымышленных Любимовым слушателей добавил еще М. Н. Каткова [Тюнькин]. На этом критика источника остановилась, и совершенно напрасно.

Оба комментатора, в частности, не заметили, что Любимов «привел» на московский праздник А. А. Фета, принципиально отказавшегося в нем участвовать («...торжище, где гам и теснота, / Где здравый русский смысл примолк, как сирота» — это строки из его стихотворения «На 26 мая 1880 года. К памятнику А. С. Пушкину», присланного организаторам праздника). Скорее всего, вопреки Любимову, не приезжали на московский праздник и три другие знаменитости: П. И. Мельников-Печерский, Д. И. Менделеев, Антон Рубинштейн (его брат-москвич Николай, возможно, и присутствовал на заседании ОЛРС, будучи организатором музыкальной части праздника).

Но и на этом любимовские фантазии не кончаются.

В первых рядах слушателей, как уверяет мемуарист, рядом с потомками Пушкина, двумя сыновьями и двумя дочерьми (их присутствие подтверждают другие источники), расположилась высшая знать: «Рядом с Пушкинными сидел, представляя собою как бы целую эпоху старой патриархальной Москвы, московский генерал-губернатор князь Владимир Андреевич Долгоруков. <...> Рядом с ним сидел прибывший на торжества “по высочайшему повелению”, как представитель правительства, что придавало торжествам особое значение, недавно сменивший на посту министра народного просвещения, графа Д. А. Толстого, статс-секретарь А. А. Сабуров, единственный в зале в вицемундирном фраке с двумя звездами и лентой по жилету. Высокий, худой, с сухим, совершенно бритым лицом, в густо накрахмаленном стоячем воротничке, казавшийся как бы олицетворением сановно-бюрократического Петербурга среди дворянско-купеческой, ученой, литературной и артистической Москвы» (Любимов, 1931 а; Любимов, 1961: 157–158, где вместо «артистической» — «аристократической»). Картина получилась эффектная, с «особым значением», но дело в том, что оба сановника, согласно другим источникам (Агент, Василевский, Венок, газетные отчеты), участвовали только в официальной части торжеств: генерал-губернатор посетил заседание высочайше утвержденного комитета по сооружению

памятника 5 июня, а также открытие памятника и торжественный акт в университете 6 июня; министр просвещения же присутствовал 6 июня на открытии памятника, торжественном акте в университете и думском обеде в тот же день. Все перечисленные мероприятия носили характер государственный (или хотя бы отчасти государственный, как думский обед, на котором присутствовало множество официальных лиц), заседание же ОЛРС, организации сугубо общественной, — по тогдашним понятиям, не уровень генерал-губернатора и министра (ср.: [Фокин, Петрова: 179]).

Далее Любимов спускается чуть ниже: «Затем следовала административная Москва, иерархи, [гражданский] губернатор, обер-полицмейстер, попечитель учебного округа кн. Н. П. Мещерский, представители московского дворянства, предводители: князь А. В. Мещерский, граф А. В. Бобринский, граф С. Д. Шереметев...» (Любимов, 1931 а). Все перечисленные государственные и церковные деятели, безусловно, присутствовали на официальной части торжеств 6 июня, но 7 и 8 июня происходили сугубо общественные собрания (ОЛРС), и там их участие никем кроме Любимова отмечено не было. Что же касается представителей от дворян, то следует заметить, что А. В. Мещерский был московским губернским предводителем дворянства в 1869–1875 гг., а С. Д. Шереметев лишь с 1885 г., в 1880 же году эту должность занимал А. В. Бобринский, чье участие в Пушкинских торжествах, в отличие от двух вышеназванных, отражено в отчетах. Впрочем, и он, скорее всего, присутствовал лишь на официальной части праздника 5 и 6 июня.

Был ли кто-то из важных сановников слушателем Достоевского? Он сам так описал состав приветствовавшей его аудитории: «... всё ринулось ко мне на эстраду: гранд-дамы, студентки, государственные секретари, студенты — всё это обнимало, целовало меня» (Д30; т. 30;: 184). Если быть точными в номенклатурных терминах, *Государственный секретарь*, т. е. правитель канцелярии Государственного совета, в России был только один: в 1878–1883 гг. эту должность занимал Е. А. Перетц, не присутствовавший на Пушкинском празднике. Зато активно участвовал в нем *статс-секретарь* (должность поменьше) Федор Петрович Корнилов (1809–1895), в это время член Государственного совета и управляющий высочайше утвержденным комитетом по сооружению памятника Пушкину. Достоевский был хорошо знаком с ним по Славянскому благотворительному комитету (делегировавшему писателя на торжества в Москву), председателем которого был Корнилов. 5 июня 1880 г. Ф. П. Корнилов вместе с другим делегатом от Славянского комитета И. Ф. Золотаревым посетили Достоевского в гостинице, и они втроем отправились в Думу на прием делегаций. Сразу после выступления Достоевского 8 июня 1880 г. Корнилов послал ему письмо с благодарностью «за вещее пророческое слово»: «Мне особенно отрадно, что оно сказалось среди торжественных ликований в честь великого русского человека, над памятником которому я потрудился» [Летопись: 433].

Еще одного знаменитого человека — генерала М. Г. Черняева (его как-то не хватало) добавил Любимов в свой список (*Любимов, 1931 b*). Однако доподлинно известно, что славянский герой не мог быть в это время в Москве: 25 июля 1880 г. в письме И. С. Аксакову он сообщал о своем трехмесячном проживании в Белграде (*Письма: 235*).

Любимов среди слушателей Достоевского заметил представителей знаменитых дворянских родов, составлявших цвет московской интеллигенции: «...семьи Самариных и Черкасских, от которых так и веяло эпохой освобождения крестьян; старые князья Трубецкие, а молодые — игравшие впоследствии столь значительную роль в московском дворянстве, тогда еще студенты — стояли недалеко от меня за колоннами» (*Любимов, 1931 a*). Дмитрий Федорович Самарин и его сын Федор на заседании были точно (*Самарин: 252*), не исключено, что вместе с ними присутствовал и другой сын, также студент Московского университета, Петр. Князь же Владимир Александрович Черкасский (1824–1878), общественный деятель славянофильских убеждений, активный участник крестьянской реформы, как видно из дат его жизни, не дожил до Пушкинского праздника, детей же у него не было. «Старые князья Трубецкие» и «молодые» — это, разумеется, Николай Петрович Трубецкой (1828–1900), директор Московского отделения императорского Русского музыкального общества в 1863–1876 гг., и его дети: Петр, впоследствии лидер московского дворянства, Сергей и Евгений — знаменитые университетские профессора-философы и общественные деятели. С 1876 г. Н. П. Трубецкой — калужский вице-губернатор и возвращается в Москву лишь в 1887 г., так что его участие в московском празднестве должно быть поставлено под большое сомнение, как и его знаменитых сыновей Сергея и Евгения, которые только в 1881 г. после окончания калужской гимназии поступили в Московский университет (в своих «Воспоминаниях» Е. Н. Трубецкой «Пушкинскую речь» Достоевского ошибочно относит к 1881 г., что косвенно подтверждает неучастие братьев в этом событии). Более вероятным такое участие было для их старшего брата Петра, тогда уже студента Московского университета.

Мемуарист далее перечисляет едва ли не всех известных московских предпринимателей-меценатов (братья Третьяковы, Морозовы, Коншины, Губкины, Алексеевы, Кузнецовы, фон Дервиз, фон Мекк, Поляков, Губонин) (*Любимов, 1931 a*). Их дружное присутствие на заседании 8 июня теоретически возможно, но никем более не задокументировано. Мы знаем только, что Достоевского слушал П. М. Третьяков, написавший ему 10 июня: «Ваше торжество 8 июня было для меня сердечным праздником» (*Третьяков*). Нет пока возможности проверить и другие «объединительные», но очень уж сомнительные и доходящие прямо-таки до гротеска сообщения Любимова о том, что в торжестве Достоевского приняли участие «адвокатский мир <...> чуть ли не весь налицо» и «Московский университет — в полном составе» (*Любимов, 1931 a*). Несколько охлаждающую на этот счет корректировку

находим в отчете корреспондента «Санкт-Петербургских ведомостей» (14 июня 1880 г.): «Публики на этом втором заседании как будто несколько меньше, чем на первом, в особенности на почетных местах».

Еще одно утверждение Любимова следует подвергнуть сомнению: то, что Достоевский произносил свою речь, не заглядывая в текст. Это утверждение мемуарист настойчиво проводит в позднейшем варианте воспоминаний: «Достоевский <...> медленно пошел к кафедре, продолжая нервно перебирать листки, видимо, список своей речи, которым, кстати сказать, он потом почти не пользовался»; «здесь Достоевский хотел что-то отыскать в своих листках, но, видимо, не нашел, бросил их и прямо перешел к самому, как он выразился, положительному типу Пушкина — к Татьяне»; «Достоевский помолчал, опять потрепал свои листки, которыми мало пользовался»; «Достоевский цитировал, приводя на память, целый ряд примеров из стихотворений Пушкина» (Любимов, 1961: 162–164). Описание импровизирующего Достоевского впечатляет, но противоречит свидетельствам, очевидно, более точным: «...он не говорил речи; он прочел свой доклад; но прочел его гениально» (Олсуфьев); «Хотя он читал по писанному, но это было не чтение, а живая речь, прямо, искренно выходящая из души» (Страхов: 310). Очевидно, прав был один из мемуаристов: «Он ведь не говорил ее, а читал по рукописи, но так живо, искусно, с такою артистическою выработкой и с таким темпераментом, что наличность рукописи забывалась, и речь казалась тут же на месте рождавшейся и свободно льющейся импровизацией...» (Амфитеатров d).

Еще одна подробность, мимо которой невозможно пройти, связана с реакцией на речь Достоевского И. С. Тургенева. Уже упоминавшийся эпизод, когда оратор поставил Лизу Калитину из «Дворянского гнезда» рядом с пушкинской Татьяной, Любимов в первом варианте воспоминаний излагает так: «Вся зала посмотрела на Тургенева. Тот взмахнул руками и заволновался; затем опустил голову и закрыл лицо ладонями. Мне показалось, будто он плачет... Достоевский остановился, пристально посмотрел на Тургенева. Несколько секунд длилось молчание, затем Достоевский продолжал» (Любимов, 1931 b). В том же ключе описывает этот эпизод другой мемуарист: «Я видел, как взволнованный Тургенев, сидевший немного в стороне от трибуны, склонил голову и, как я потом узнал, утирал платком появившиеся на глазах слезы» (Бобчев). «Мне показалось» и «я потом узнал» — такого рода свидетельства делают слезы Тургенева в данный момент не очень отчетливыми (о том, что **после** речи плакали многие, имеются достоверные свидетельства; среди прослезившихся, пусть «немножко», тогда был и Тургенев, о чем Достоевский не преминул упомянуть в своих письмах — ДЗ0; т. 30₁: 184, 188). Очевидно, позднее, переписывая текст воспоминаний, Любимов решил декорировать его и в этом выигрышном моменте — вместо слов «опустил голову и закрыл лицо ладонями. Мне показалось, будто он плачет» он вставил: «закрыв руками лицо и вдруг тихо

зарыдал». И далее: «...среди общей тишины слышались сдерживаемые всхлипывания Тургенева» (*Любимов, 1961: 164*). Столь выдающаяся подробность присутствует лишь в изложении Любимова (да и то только в самом позднем варианте мемуаров) и противоречит другим свидетельствам. Очевидно, она задним числом (как и «выход» Тургенева у Летковой) присочинена рассказчиком для пущей выразительности. Придумывание «выпуклых» деталей вообще было свойственно Д. Н. Любимову, ставшему прототипом князя Шеина в повести А. И. Куприна «Гранатовый браслет».

Продолжая тему Тургенева, Любимов так описывает финал речи Достоевского: «Аксаков бросился обнимать Достоевского, Тургенев, спотыкаясь, как медведь, шел прямо к Достоевскому с раскрытыми объятиями» (*Любимов, 1931 b; Любимов, 1961: 165*). Объятия двух корифеев не исключены, судя по свидетельствам очевидцев: «Обнимают Достоевского члены Общества» (Новое время. 1880. 10 июня); «...группа словесников обнимала высокодаровитого писателя...» (*Венок: 61*); «Когда г. Тургенев на виду у публики обнял г. Достоевского, взрыв кликов и аплодисментов еще усилился и дошел до какой-то бури...» (Новости. 1880. 13 июня). Сам Достоевский сообщал жене, что «все члены нашего общества, бывшие на эстраде, обнимали меня и целовали», и даже «Анненков подбежал жать мою руку и целовать меня в плечо» (*ДЗ0; т. 30: 84*), однако в публичной сфере, в «Дневнике писателя» 1880 г., он скорректировал этот момент: «Рядом с славянофилами, обнимавшими меня и жавшими мне руку, <...> подошли ко мне пожать мою руку и западни, и не какие-нибудь из них, а передовые представители западничества <...>. Они жали мне руку с таким же горячим и искренним увлечением, как славянофилы...» (*ДЗ0; т. 26: 134*). Ср.: «Члены Общества вскочили со своих мест, пожимали ему руки» (Голос. 1880. 9 июня); «Тургенев медленно подошел к Достоевскому и пожал ему руку» (*Бобчев*).

Между тем во многих описаниях этот последний момент предстает гораздо более «горячим»: «Все члены Общества, начиная с И. С. Тургенева, расцеловали его» (Живописное обозрение. 1880. 21 июня); «По окончании речи оба писателя, несколько лет между собою не говорившие, — говорят, горячо между собою поцеловались» (*Веневитинов: 505*); «Писатели, окружив лектора, лобызались с ним» (*Василевский*); «Мы тут же все принялись целовать Федора Михайловича...» (*Страхов: 310*). О рукопожатиях и поцелуях со стороны членов ОЛРС сообщали корреспонденты «Нового времени» (11 июня) и «Недели» (15 июня). Впрочем, чувствительная и растиражированная подробность может быть поставлена под некоторое хотя бы частичное сомнение, так как утверждение о поцелуе именно Тургенева принадлежит лишь одному автору (в «Живописном обозрении» отчет писал расчувствовавшийся И. Ф. Василевский, повторивший затем самого себя в мемуарах), Веневитинов же сам не видел и ссылается на кого-то («говорят») — не исключено, что на корреспонденцию того же Василевского.

А вот целование рук оратора выбежавшими на эстраду восторженными дамами, о чем сообщал Достоевский (*ДЗ0*; т. 30₁: 185, 188), солидарно подтверждается другими источниками и становится затем предметом не очень чистых сплетен (*Салтыков-Щедрин*).

Завершим наш краткий и по необходимости выборочный обзор источников наблюдением еще одного мемуариста: «...в те дни на эстраде великолепного зала московского Дворянского собрания восседал весь ареопаг тогдашней славнейшей эпохи русской литературы. Можно сказать, что в те дни в этом зале, в сердце России — Москве — был собран и весь мозг тогдашней России. Ибо, если на эстраде восседали корифеи нашей словесности и искусства, то и две-три тысячи человек, переполнявшие зал, представляли не случайную толпу, но общество в интеллектуальном смысле самое избранное» (*Олсуфьев*). В целом можно согласиться с этим утверждением, хотя и с некоторыми уточнениями. Во-первых, как мы видели, не «весь ареопаг» был в сборе, да и не мог быть в принципе. А во-вторых, что касается аудитории Благородного собрания (другие мемуаристы определяют ее численность примерно в одну тысячу человек — *Аксаков, Уманец*: 1030–1031), в «избранное общество» не вошли, за одним указанным выше исключением, мужи совета, власть имущие, как бы ни хотелось Д. Любимову, глядя из эмигрантского далека, собрать воедино российскую элиту, представлявшую и общество, и власть утраченной страны. Такова одна крайность, так сказать, «старой» России. Но и другая крайность, со стороны России «молодой» (мемуары *Летковой*) — о решительном расслоении слушателей Достоевского, — была таким же анахронизмом, когда желаемое выдавалось за действительное. Разделение началось, но потом. А тогда всех без исключения увлек вдруг явившийся момент истины. Понять высший смысл происшедшего, разгадать «тайну» «Пушкинской речи» Достоевского стремились и тогда и потом многие умы. Но это тема отдельного разговора, который следует вести после разумной критики источников.

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90012 («Ф. М. Достоевский в русской критике. 1845–1881»).
- ¹ Например, И. С. Аксаков почему-то запомнил, что А. Н. Плещеев читал свое стихотворение «Памяти Пушкина» перед выступлением Достоевского, хотя тот читал после Достоевского и после перерыва, перед Аксаковым (*Аксаков*: 96). На поводу у Аксакова (и повторившего эту ошибку Д. Любимова) пошли некоторые авторитетные издания [*Летопись*: 431].
  - ² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1988. Т. 30. Кн. 1. С. 184–185. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *ДЗ0*, указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
  - ³ Телеграмма была опубликована 9–13 июня 1880 г. в газетах «Голос», «Петербургский листок», «Современность», «Церковно-общественный вестник», «Ведомости СПб. градоначальства и СПб. городской полиции», «Ведомости Одесского градоначальника».

- 4 Телеграмму перепечатали с 10 по 15 июня 1880 г. газеты «Молва», «Новости», «Берег», «Варшавский дневник», «Вечерняя газета», «Современность», «Ведомости СПб. градоначальства и СПб. городской полиции», «Правда» (Одесса), «Донские епархиальные ведомости».
- 5 РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 1–5. Благодарю В. Н. Абросимову за помощь в копировании рукописи.
- 6 Попутно заметим, что Достоевский в этом списке демонстративно не значится (то же: *Леткова*: 467), хотя на открытии памятника он присутствовал (см.: *ДЗ*; т. 30₁: 182). Не исключено, что Достоевский был в толпе народа, а не в писательской «ВИП-зоне», и поэтому не был замечен Летковой.
- 7 Заседание в Московском университете 6 июня не было мероприятием ОЛРС, это был университетский торжественный акт в честь открытия памятника Пушкину. Заседания же ОЛРС прошли 7 и 8 июня в зале Благородного собрания. Тургенев, соответственно, был избран 6 июня почетным членом Московского университета (вместе с Я. К. Гротом и П. В. Анненковым). Леткова, как видим, в духе уже послереволюционных понятий не делает различия между государственными и общественными институтами: университет был учреждением первого типа, а ОЛРС (хотя и при университете) — второго.
- 8 Профессор истории Московского университета В. О. Ключевский в речи на торжественном акте в Московском университете 6 июня говорил о происхождении типа Онегина и его значении в русской истории (опубликовано: *Русская мысль*. 1880. № 6. С. 20–27). Леткова называет его «нашим», поскольку он преподавал на Высших женских курсах Герье.
- 9 Цитата из речи В. О. Ключевского вырвана из контекста и истолкована расширительно. Оратор говорил о Евгении Онегине как историческом типе, начало которого можно усмотреть в А. Л. Ордине-Нащокине: «Это русский человек, который вырос в убеждении, что он родился не европейцем, но обязан стать им» (*Ключевский*: 102).
- 10 6 июня 1880 г. в 21 ч. в зале Благородного собрания состоялся литературно-музыкальный вечер.
- 11 Достоевский не участвовал в университетском акте 6 июня. См. также примеч. 6.
- 12 Стихотворение Пушкина «Вновь я посетил...» было опубликовано В. А. Жуковским в первом посмертном издании поэта с изменением первой строки: «Опять на родине! Я посетил...». В 1855 г. в третьем томе сочинений Пушкина под редакцией П. В. Анненкова пушкинский текст был восстановлен, но сохранилось название «Опять на родине». В 1859 г. в новом издании сочинений поэта Г. Н. Геннади озаглавил стихотворение по первой пушкинской строке: «Вновь я посетил...», — что сохранялось во всех последующих изданиях.
- 13 Стихотворение «К Чадаеву» сохранилось только в списках, в некоторых из них — «заря», а не «звезда», что было принято и в ряде изданий.
- 14 Та же история, что и с «зарей» (см. предыдущее примеч.): «напишет» вместо «напишут».

Источники

1. *Агент* — Бельчиков Н. Пушкинские торжества в Москве в 1880 г. в освещении агента III Отделения // Октябрь. — 1937. — № 1. — С. 271–282.
2. *Аксаков* — Письмо И. С. Аксакова о московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину // Русский архив. — 1891. — Т. 75. — Кн. 2. — Вып. 5. — С. 90–99.
3. *Амфитеатров а, b, c, d* — Амфитеатров А. В. Достоевский на Пушкинских празднествах 1880 года // Сегодня (Рига). — 1921. — 23–26 ноября. — № 267–270. — С. 2 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.periodika.lv/periodika2-viewer/view/index-dev.html?lang=fr#panel:pp|issue:/p_001_sego1921n270|page:2|issueType:P
4. *Бобчев* — Бобчев С. С. Пушкинская речь Достоевского. Из личных воспоминаний об исторической речи Достоевского на пушкинских торжествах в Москве // Россия и славянство (Париж). — 1931. — 25 июня.
5. *Василевский* — Василевский И. Из московских в честь Пушкина празднеств в 1880 году (по личным воспоминаниям) // Русские ведомости. — 1899. — 19 мая.
6. *Веневитинов* — Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881). [Из дневника М. А. Веневитинова] / публ. и коммент. Л. Р. Ланского // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. — М.: Наука, 1973. — С. 502–509. (Литературное наследство; т. 86).
7. *Венок* — [Булгаков Ф. И.] Венок на памятник Пушкину: Пушкинские дни в Москве, Петербурге и провинции: адреса, телеграммы, приветствия, речи, чтения и стихи по поводу открытия памятника Пушкину. Отзывы печати о значении Пушкинского торжества. Пушкинская выставка в Москве. Новые данные о Пушкине. — СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1880. — 354 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003611373#?page=1>
8. *Ключевский* — Ключевский В. О. Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета 6 июня 1880 г., в день открытия памятника Пушкину // Ключевский В. О. Литературные портреты. — М.: Современник, 1991. — С. 100–107.
9. *Ковалевский* — Ковалевский М. М. Воспоминания об И. С. Тургенев // Русские ведомости. — 1883. — 27 сентября.
10. *Кони* — Кони А. Ф. Отрывки из воспоминаний. [Пушкинская речь] // Вестник Европы. — 1908. — № 5. — С. 19–21.
11. *Леткова* — Леткова Ек. О Ф. М. Достоевском. Из воспоминаний // Звенья: сборники материалов и документов по истории литературы, искусству и общественной мысли XIX века. — М.; Л.: Academia, 1932. — Т. I. — С. 459–477.
12. *Любимов, 1931 а, b* — Любимов Д. Речь Достоевского о Пушкине: к пятидесятилетию со дня кончины Ф. М. Достоевского (10 февраля 1881 г.): по личным воспоминаниям // Возрождение (Париж). — 1931. — № 2076. — 7 февраля. — С. 2 (а); № 2078. — 9 февраля. С. 2 (b) [Электронный ресурс]. — URL: <https://historicperiodicals.princeton.edu/historic/?a=cl&cl=CL2.1931.02&sp=vozrozhdenie&e=-----en-20--1--txt-txIN----->
13. *Любимов, 1937* — Любимов Д. Открытие памятника в Москве 6 июня 1880 г. Воспоминания очевидца // А. С. Пушкин и его эпоха. — Париж, 1937. — С. 104–108.

14. *Любимов, 1961* — Любимов Д. Из воспоминаний. (Речь Ф. М. Достоевского на Пушкинских торжествах в Москве в 1880 году) // Вопросы литературы. — 1961. — № 7. — С. 156–166.

15. *Михневич* — Коломенский Кандид [Михневич В. О.]. Вчера и сегодня // Новости и биржевая газета. — 1881. — 1 февраля.

16. *Нелидова* — Нелидова Л. Ф. Памяти И. С. Тургенева // Вестник Европы. — 1909. — Т. 5. — № 9. — С. 202–241 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.prlib.ru/item/323624>

17. *Олсуфьев* — Олсуфьев Д. А., гр. Пушкинские торжества 1880 года. Из воспоминаний // Возрождение (Париж). — 1925. — № 34. — 6 июля. — С. 2 [Электронный ресурс]. — URL: <https://historicperiodicals.princeton.edu/historic/?a=d&d=vrozozhdenie19250706-01.2.16&e=-----en-20--1--txt-txIN----->

18. *Письма* — Письма М. Г. Черняева и П. Я. Кулаковского к И. С. Аксакову о Сербии в 1880–1882 гг. // Голос минувшего. — 1915. — № 9. — С. 232–249.

19. *Пятковский* — Пятковский А. Пушкинский праздник в Москве. VII–VIII // Приложение к журналу «Народная школа». — 1880. — № 12. — С. 23–31.

20. *Салтыков-Щедрин* — [Письмо А. Н. Островскому 25 июня 1880 г.] // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. — М.: Худож. лит., 1976. — Т. 19: письма 1876–1881. — Кн. 1. — С. 157.

21. *Самарин* — «А впечатление было поистине необычайное...» (письмо Ф. Д. Самарина о Пушкинской речи Достоевского) / публ. Б. Н. Тихомирова // Достоевский и мировая культура: альманах. — М.: Классика плюс, 1997. — № 9. — С. 251–255.

22. *Страхов* — Страхов Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. — СПб., 1883. — С. 167–329.

23. *Тимирязев* — Тимирязев К. А. Памяти друга (Из воспоминаний о М. М. Ковалевском) // Тимирязев К. А. Избр. соч.: в 2 т. — М.: Сельхозгиз, 1957. — Т. 2. — С. 548–549.

24. *Третьяков* — [Зильберштейн И. С.] Новонайденные и забытые письма Достоевского. [П. М. Третьяков. Письмо Ф. М. Достоевскому 10 июня 1880 г.] / публ. И. С. Зильберштейна // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. — М.: Наука, 1973. — С. 127. (Литературное наследство; т. 86).

25. *Уманец* — С. Уманец. Мозаика (Из старых записных книжек) // Исторический вестник. — 1912. — № 12. — С. 1013–1066.

26. *Успенский* — Успенский Г. И. Праздник Пушкина (Письма из Москвы — июнь 1880) // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. — М.: Худож. лит., 1990. — Т. 2. — С. 392–405. (Серия литературных мемуаров).

Список литературы

1. Волгин И. Л. Последний год Достоевского. — М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2017. — 780 с.
2. Долинин А. С. [Комментарии] // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. — М.: Худож. лит., 1964. — Т. 2. — С. 471.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990. [Д30]
4. Левитт Маркус Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года / пер. с англ. И. Н. Владимирова, В. Д. Рака. — СПб.: Академический проект, 1994. — 265 с.
5. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. — СПб.: Академический проект, 1995. — Т. 3: 1875–1881. — 614 с.
6. Тюнькин К. И. [Комментарии] // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. — М.: Худож. лит., 1990. — Т. 2. — С. 566.
7. Фокин П. Е., Петрова А. В. «Пушкинская речь» Ф. М. Достоевского как событие (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля) // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 2. — С. 162–195 [Электронный ресурс]. — URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1595258841.pdf (1.09.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4681

Vladimir A. Viktorovich

*State Social and Humanitarian University
(Kolomna, Russian Federation)*

VA_Viktorovich@mail.ru

Dostoevsky's Pushkin Speech in the Testimonies of Contemporaries

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90012 Dostoevsky.

Abstract. The article provides a critical analysis of the sources that report the details of Dostoevsky's Pushkin speech on June 8, 1880. They include letters, diaries and memoirs of listeners, telegrams and reports in newspapers and journals of the time. A cross-examination of existing and newly discovered sources revealed a number of conjectures, which usually emerge due to ideological considerations. The focus is on the memoirs of E. P. Letkova-Sultanova and D. N. Lyubimov, which depicted the event from ideologically opposed points of view. Thus, Letkova strongly denies the moment of unanimity of Dostoevsky's audience, recorded by other memoirists, and insists on the initial rejection of his speech by radical youth. Her memoirs usually arouse the confidence of researchers, since the author confirms his judgments with excerpts from his personal diary regarding the two-day the Pushkin celebration (June 7 and 8) that assert the priority of Turgenev. Letkova's memoirs were published in 1932. However, another, earlier and previously unpublished text has been preserved in The Russian State Archive of Literature and Arts in the N. S. Ashukin collection. It comprises five handwritten pages of the article "June days of 1880 in Moscow (From the diary of Ekaterina Letkova)". Comparison of the early (1924) and late (1932) editions of Letkova's "diary" leads to the unequivocal conclusion that this "diary" was a later mystification, which was supposed to confirm the righteousness of progressive forces in their opposition to Dostoevsky (this motive was significantly emphasized in the 1932 edition). The memoirs of

D. N. Lyubimov are structured in the same manner, only differing in that they covered the event from a conservative point of view. Lyubimov's memoirs are relevant for researchers, since he described Dostoevsky's audience in a more detailed way than other memoirists. This description should have led to the idea of consolidating the best members of Russian society. However, a critical analysis of this source showed that more than half of those who listened to Dostoevsky according to Lyubimov could not have attended the meeting. The memoirist also distorts the Turgenev's perception of Dostoevsky's speech (he allegedly "sobbed" when the speaker compared Lisa Kalitina to Tatyana Larina). Criticism of sources allows us to clarify a number of aspects in the perception of Dostoevsky's Pushkin speech as a key event in Russian culture, to approach its understanding on the basis of verified evidence from contemporaries.

Keyword: Dostoevsky, Pushkin's speech, criticism of sources, the problem of authenticity

About the author: *Viktorovich Vladimir A.* — Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian language and literature, State Social and Humanitarian University (ul. Zelenaya 30, Kolomna, 140410, Russian Federation)

Received: September 2, 2020

Date of publication: December 7, 2020

For citation: Viktorovich V. A. Dostoevsky's Pushkin Speech in the Testimonies of Contemporaries. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 4, pp. 48–69. DOI: 10.15393/j10.art.2020.5101 (In Russ.)

References

1. Volgin I. L. *Posledniy god Dostoevskogo [The Last Year of Dostoevsky]*. Moscow, AST Publ., 2017. 780 p. (In Russ.)
2. Dolinin A. S. Comments. In: *F. M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 tomakh [F. M. Dostoevsky in Memoirs of His Contemporaries: in 2 Vols]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1964, vol. 2, p. 471. (In Russ.)
3. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [The Complete Works: in 30 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
4. Levitt Marcus C. *Literatura i politika: Puskinskiy prazdnik 1880 goda [Russian Literary Politics and the Pushkin Celebration of 1880]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1994. 265 p. (In Russ.)
5. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo, 1821–1881: v 3 tomakh [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1995, vol. 3: 1875–1881. 614 p. (In Russ.)
6. Tyunkin K. I. Comments. In: *F. M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 tomakh [F. M. Dostoevsky in Memoirs of His Contemporaries: in 2 Vols]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, vol. 2, p. 566. (In Russ.)
7. Fokin P. E., Petrova A. V. Pushkin Speech by Fedor Dostoevsky as an Event (Based on the Materials of the Manuscript Fund of the Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 2, pp. 162–195. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1595258841.pdf (accessed on September 1, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4681 (In Russ.)